

ЗАЧЕМ НУЖНА ОБЩЕСТВУ ПУБЛИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ?*

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН¹, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это, конечно, не случайно и требует пристального рассмотрения. Почему если говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем в основном все участники дискуссий были согласны, то имеется в виду прежде всего политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академическая философия, кто к ней проявляет интерес, что в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от нее глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы сегодняшнего дня?

Старое и новое в интересе публики (общественности) к социально-гуманитарным наукам и философии

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. Одно из проявлений подобного интереса – прагматистско-вопросительное. Общество вправе знать, зачем нужна академическая (профессиональная) философия, почему на нее нужно тратить деньги налогоплательщика. Но в целом публика всегда испытывала и испытывает постоянное любопытство к тому, о чем пишут и спорят философы. В недавнем прошлом этот интерес в значительной степени удовлетворялся публичными лекциями известных философов, изданием многочисленных популярных книг и брошюр. Высоко ценились и ценятся авторы, которые умеют рассказывать о профессиональных занятиях философов доступно и занимательно.

В последнее время в ответ на критику со стороны общества философия заметно расширила формы своей активности в обществе. Философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

* Статья написана на основе доклада, сделанного на семинаре «Философия в публичном пространстве» в Институте философии 26 марта 2013 г.

¹ См.: статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: Филос. журн. 2012. № 2. *Межуев В.М.* Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5–16; *Федорова М.М.* Философия и политика. С. 17–26; *Кара-Мурза А.А.* Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27–44.

Общество, кажется, привыкло к сугубо прагматистскому использованию понятия философии. Постмодернистская культура особенно преуспела в создании целого ряда микрофилософий. Появились философии обуви, автомобиля, шопинга, еды и много чего другого. Дорогая обувь ручной работы от Маноло Банник, как свидетельствует реклама, есть философия высокого стиля. В последнее время практически к любой профессии, тем более к повседневным социальным практикам, дизайнеры способны придумать красивую философскую виньетку. Мода на философию стала знаковой приметой времени. Но самая главная особенность последних десятилетий состоит в том, что претерпевают фундаментальные изменения взаимоотношения между публичной сферой жизни и социально-гуманитарными науками, в том числе и философией.

Новые формы общественной, публичной активности социально-гуманитарных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

В.М.Межуев в своем выступлении при обсуждении проблем философии в публичном пространстве говорил о резком возрастании интереса публики к гуманитарному знанию и привел в качестве примера такое новое явление в общественной мысли, как публичная социология. Интересно, что помимо публичной социологии в последние десятилетия появились публичная история, публичная медицина, целый ряд других «публичных» дисциплин, не говоря уже про публичную политику, с появления которой, кажется, и начался этот процесс.

В чем же заключается смысл публичной социологии? Ответ на этот вопрос весьма поучителен для решения поставленной в статье проблемы. Профессор Калифорнийского университета М.Буравой в своей ставшей широко известной статье «За публичную социологию» высказался за разделение социологического знания на четыре типа: на академическую, критическую, публичную и прикладную социологию². В самом общем смысле публичная социология появляется, когда социология вступает в диалог с группами общест-венности.

Традиционная публичная социология существует давно. Например, когда социологи высказывают свое мнение на страницах влиятельных газет и журналов, комментируют вопросы общественной значимости. Многие работы социологов на актуальные темы вызывают оживленные дискуссии – о характере общества, его болезнях и тенденциях, о разрыве между обещаниями и реальностями. Что касается прикладной социологии, то она служит достижению цели, обозначенной клиентом или заказчиком. Смысл прикладной социологии заключается в решении поставленной перед социологами конкретной задачи или легитимации, оправданию в глазах общества уже принятых решений. Современная публичная социология, как пишет автор, носит органический характер. Публичная социология взаимодействует с конкретными организациями рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Нуж-

² Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П.Романова и Е.Ярской-Смирновой. М., 2008. С. 18.

но научиться и быть готовыми взаимодействовать с ними через открытый диалог, свободное и равное участие, когда нет единой нормативной системы ценностей. Другими словами, вести диалог в рамках социологически поставленной проблемы и при помощи социологии. Более того, социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю.Хабермаса, подчеркивает М.Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально, т. к. его порой очень сложно организовать и поддерживать. В этих рассуждениях можно усмотреть прямую связь между растущим многообразием деятельности институтов гражданского общества и развитием публичной социологии.

Профессиональная социология не является врагом публичной или прикладной социологии, а *sine qua non* – не переменным условием их существования, она выступает в качестве источника легитимности и экспертизы для публичной и прикладной социологии. М.Буравой пишет, что один из главных вопросов, который ставит критическая социология, звучит следующим образом: «Социология для чего? Действительно ли нам нужно заботиться о конечных целях общества или только о способах достижения уже поставленных целей? Это именно то отличие, которое подчеркивает дискуссия Макса Вебера о технической и ценностной рациональности»³.

Один тип знания М.Буравой называет *инструментальным знанием*, будь то решение задач в профессиональной социологии или решение задачи прикладных социологических исследований. Другой тип – *рефлексивное знание*, оно связано с диалогом о конечных целях, будь то диалог внутри академического сообщества об основах его исследовательских программ или между академическим сообществом и различными общественными и политическими группами о направлении, в котором движется общество. Рефлексивное знание задает вопросы о ценностных ориентирах общества и профессии социолога. Публичная социология является именно таким знанием.

Важно отметить, что в дискуссии отечественных социологов по поводу позиции М.Буравого идея четкого отделения публичной социологии от прикладной не получила должного внимания и дальнейшего развития⁴. Граница между ними остается размытой и неотрефлексированной.

Вывод, который можно сделать из весьма краткого рассмотрения публичной социологии, состоит в следующем. Социологи изучают созданные людьми самодеятельные организации с тем, чтобы не просто показать обществу цели, задачи, формы и способы их деятельности. Рассматривая особенности включения организаций в социальные процессы, они постоянно сотрудничают с ними и, если удастся, конечно, установить контакт, обозначают для них угрозы, создают конкретное динамически меняющееся социологическое знание применительно к сложившейся ситуации. Таким образом, становятся публичными социологами. Это знание помогает руководителям, активным участникам организаций расширять горизонты восприятия окружающей среды, многообразие ценностей и интересов, учит их действовать эффективно и творчески. Научившись мыслить социологически рефлексивно, они не отказываются от своих целей и задач, но могут стать способными при изменении конкретных обстоятельств пересматри-

³ Буравой М. За публичную социологию. С. 21.

⁴ Один из участников дискуссии А.Алексеев подчеркнул, что «постановка вопроса о публичной социологии представляется весьма актуальной и своевременной для российской социальной науки» (Там же. С. 60).

вать их. Можно сказать, что этот пример с публичной социологией наглядно демонстрирует, как возникает публичная форма конкретного социально-гуманитарного знания, когда оно вступает во взаимодействие с общественными организациями в публичном пространстве. Это заключение, однако, требует дополнительных обоснований.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг публичной истории. Понимание целей и задач публичной истории трактуется в ином ключе. Обращает на себя внимание программная статья «Прикладная история или публичное измерение прошлого», опубликованная недавно группой немецких ученых. Публичная история – сравнительно новая отрасль знания, которая занята переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т. е. знания, предназначенного для понимания и дальнейшего употребления широкой аудиторией. Другими словами, публичная история – это курс истории для неспециалистов, которым нужны сведения для выполнения коммерческих или просветительских программ. Например, для оформления выставок, музеев и т. д. Публичная история появилась в начале XX века в Германии и во второй половине XX века получила широкое распространение во всем мире. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 году направление «Public History» занимается выпуском историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например в издательском деле, СМИ, музеях. В России также созданы в некоторых учебных заведениях учебные курсы по «public history». Проблема четкого разграничения публичной истории и прикладной истории становится все более значимой, и она решается немецкими авторами следующим образом: «Хотя *public history* и прикладная история, без сомнения, пересекаются как в своей ориентированности на практику, так и в исследовательском интересе, плодотворной может оказаться попытка разграничить их. ...В отличие от *public history*, которая в основном занимается изложением исторических тем в публичной сфере, в случае прикладной истории следует обратить внимание на субъекты и возможности их сотрудничества»⁵. Прикладная история, по мнению авторов, выступает как диалог между обществом и академической наукой, как точка пересечения между ними. Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию.

В этом случае получается так, что именно прикладная, а не публичная история должна осуществлять функцию связи между общественным интересом к прошлому, академическим воспроизводством исторического знания и политически мотивированным созданием коллективной истории. Авторы считают, что существует необходимость вовлекать в процесс формирования исторического знания самые различные общественные группы с их собственными интересами, компетенциями и перспективами. Более того, и, пожалуй, это самое главное в их позиции, «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»⁶. Это означает, что академическая наука должна в большей степени ориентироваться на настоящие потребности общества и приобщать к истории активных субъектов гражданского общества. Новизна ситуации несомненна, и она в некоторой степени опасна для академической науки. «В этом случае ученые не должны в качестве экспертов возвышаться

⁵ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3(83). С. 234.

⁶ Там же. С. 242.

ся над историями других. Следовательно, они должны не рассказывать, “как было на самом деле” (Леопольд фон Ранке), а скорее предлагать научную экспертизу, делать ее применимой для неспециалистов»⁷.

Другими словами, конкретные практики, как политические, так и коммерческие, не только формируют задачи, которые подлежат решению в рамках академической науки, но и выражают свое нежелание находиться под академической наукой.

Ситуация в исторической сфере знания изложена в другой терминологии, но дело здесь не столько в терминологии. Сложившаяся ситуация заметно отлична от предыдущей. Настойчивые желания организаций гражданского общества влиять на формирование исторического знания приобретают зримый оттенок конфронтации между академической наукой и претензиями этих организаций, что нередко становится темой публичных дискуссий и ожесточенных споров. Должны ли профессиональные историки обучать активистов исторических организаций или нет? Даже при написании истории коммерческой компании, родного края, области или села нужны ли профессиональные знания или достаточно честности и аккуратности в работе с документами и артефактами? Не слишком ли далеко идут претензии самодеятельных активистов? Вряд ли стоит поддерживать идею закрытости профессионального знания историков. Но необходимо видеть различие между требованиями коррекции этого знания, идущими от публичных самодеятельных организаций, и необходимостью тех изменений в знании, масштаб которых задается характером происходящих сдвигов в самосознании общества, т. е. в его культуре, научной сфере, философии.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, теоретическую и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере проявления публичной политологии.

Теоретическая политология изучает политическую сферу жизни общества во всем ее многообразии, создает целостную систему знания, которое дает описание, объяснение и понимание процессов политического развития, разрабатывает с этой целью понятийный аппарат, методологию и методы политологического исследования. Что касается прикладной политологии, то она прежде всего занята поиском решений конкретных вопросов, встающих перед отдельными субъектами политических процессов в определенных временных рамках. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова.

Такова вкратце ситуация в прикладной политологии, в которой можно выявить конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии. Известно, что в России развитие и укрепление государства и власти далеко не всегда сопровождалось расширением публичного пространства политики. Вместо проведения широкой публичной политики власть в России постоянно стремится к тому, чтобы представлять наиболее важные вопросы общественной жизни не как политические, а как вопросы госу-

⁷ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого. С. 234.

дарственно-административного характера. Это имело место в имперские и советские времена, и сегодня наблюдается тот же самый тренд. Например, Госдума сегодня успешно выступает в роли приводного ремня президентско-правительственной вертикали власти. Постоянное стремление власти свести публичную политику к ментальному и информационному инструменту действующей власти, дополнив ее дозированным участием системных оппозиционных политиков, т. е. политиков, допущенных играть роль оппозиции, выглядит для нек заманчиво простым делом. Элементы публичной политики становятся надежным прикрытием для непрозрачности самой власти. С одной стороны, власть постоянно формирует наиболее резонансные и выигрышные для нее дела. В то время как многие ее действия намеренно ведут к вытеснению из общественного сознания тех решений, которые непопулярны или оказались провальными. Как правило, это ей удается. Но в целом такое поведение позволяет власти доказывать, что она умеет решать конкретные дела лучше своих политических соперников. На посту мэра Москвы должен быть крепкий хозяйственник – в этом видела смысл недавно состоявшихся выборов мэра федеральная власть. Недаром победивший на выборах кандидат был самовыдвиженцем, который делал упор на свои способности и умение решать хозяйственные проблемы, стоящие перед Москвой. И никакой «высокой» политики.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной политологии. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о публичной политологии.

Несколько слов о работе У.Липмана «Публичная философия»

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что ее роль с успехом может выполнять (и реально выполняет), с нашей точки зрения, публичная философия. Этот несколько неожиданный вывод требует, конечно, обстоятельной аргументации. Интерес вызывает в этой связи давняя работа американского политического и морального мыслителя У.Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х гг. XX столетия. Особенных открытий мы в ней не найдем, но есть ряд важных положений, на которые следует обратить внимание, когда мы анализируем сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и пытаемся найти подходы к ее решению. Прежде всего, что он имеет в виду под публичной философией и какими функциями он ее наделяет? западных странах в последние столетия было широко распространено такое социальное явление, которое У.Липман называет *публичной философией*. Она является базой и оплотом политических институтов западного общества, и ее наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII–XVIII веков были сторонниками определенной публичной философии – учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и

суверенного народа... выше всего сообщества смертных»⁸. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие закона и порядка (*cosmos*). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII века обосновали свою государственно-властную конструкцию. Публичная философия включает в себя конкретный набор ценностей, безусловно определяющих суть западной цивилизации, начиная с римской империи. И эти ценности, «я полагаю, – пишет У.Липман, – не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»⁹.

У.Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан – это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х.Арендт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса, которые обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной публичной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и приводят к обязывающим решениям только в рамках принятой системы правовых норм, ценностей, т. е. при наличии объединяющего начала. У.Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. С 20-х годов прошлого столетия в Европе все складывалось по-иному, ее сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовый борьбы. О наличии некоего объединяющего философско-идеологического начала здесь вряд ли приходится говорить.

У.Липман в этом контексте как раз и пишет о разрушительной деятельности контрреволюционных движений, которые враждебны либеральной демократии, и они подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона – это вопрос целесообразности практического разума.

У.Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами государства принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии, по У.Липману, состоит в том, что она играет роль, с нашей точки зрения, своеобразной идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику как на активных граждан. Более того, «публичная философия в деле сохранения жизне-

⁸ Липман У. Публичная философия. М., 2004. С. 90.

⁹ Там же. С. 93.

способности общества играет роль нити, связующей воедино его отдельные части»¹⁰. И она довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что возникают разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединяющего всех консенсуса. С помощью самых различных, в том числе и репрессивных, мер все различные массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У.Липман, конечно, позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX века говорит о том, что рамки публичной философии оказались слишком тесными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение. У.Липман уверен, что можно восстановить и сохранить целостность традиций цивилизованной жизни западного общества. Ход последующего развития европейского общества показал, что эта целостность удерживается с немалыми трудностями. Но здесь есть одна проблема, которая остается у него не поставленной.

Публичная философия в эпоху античности и даже классического капитализма раскрывает свое содержание далеко не в полной мере. Она еще не отделилась и по предмету, и по субъекту от профессиональной философии. В жизни античного полиса это особенно наглядно видно. Сегодня естественно возникает вопрос: если есть публичная философия, тогда кто же выступает ее субъектом? Ведь она не сама по себе складывается, но она и не тождественна профессиональной философии. У.Липман заявляет, что публичная философия постоянно нуждается в оживлении и обновлении. Так кто должен этим заниматься: философ-профессионал или публичный философ? Вопрос не в том, может ли это делать с успехом один человек, предметы занятий тут достаточно разные, к примеру, наличие публичного социолога в разобранным выше примере не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что современный рост массовых политических движений делает крайне необходимой и полезной такую профессию, как публичный философ. Можно сказать, что решением подобного рода задач ранее занимались профессиональные идеологи. Но сегодня понятие идеологии и прежде всего общенациональной идеологии приобретает новые смыслы. Идеология начинает все более пониматься и в России, и на Западе как многоплановое идейное образование, которое реально обеспечивает единство, интегративный характер современного государства. Для современной России это особенно актуально. И, видимо, вместо идеологического функционера на ведущие роли в обществе постепенно выдвигается новая фигура – публичный философ.

¹⁰ Липман У. Публичная философия. С. 121.

К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. А.А.Гусейнов в статье «О назначении философии» подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык: «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой “переходник”, позволяющий переводить тексты с одного языка на другой, и может ли это делать один и тот же человек – особый вопрос»¹¹.

Введение понятия публичная философия позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их проблемы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии – это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»¹².

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный этико-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особого рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы заниматься десятилетиями созиданием своей системы. Основой такого рода философского утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013) точно отразило эту ее особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

¹¹ Гусейнов А.А. О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию акад. Т.И.Ойзермана. М., 2005. С. 94.

¹² Там же. С. 96.

В.А.Подорога заметил в докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция... а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»¹³. Политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В.А.Подороги, А.А.Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, самим своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политехнологам»¹⁴. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит в конечном счете обоснованию этико-политического проекта.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится императивной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» – философия публичная.

Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции *сегодняшних* политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею отношение к государству и власти (мировоззрение), чтобы убедиться в императивной необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

В философии и научной литературе выделяют следующие точки зрения, получившие широкое распространение в российском обществе: 1) либерально-западническая точка зрения, или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России; 3) различные сепаратистские движения, направленные на превращение России в лучшем случае в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасение Отечества в возрождении советского строя и в возвращении на путь социализма; 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому строю жизни; 6) имперская позиция А.Проханова и созданного им Изборского клуба, предполагающая создание так называемой пятой российской империи и необходимость исторического примирения белых и красных; 7) идеология российского (либерального) консерватизма правящей партии «Единая Россия»¹⁵.

¹³ Подорога В.А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» // Филос. журн. 2009. № 1(2). С. 10.

¹⁴ Гусейнов А.А. Выступление в дискуссии // Филос. журн. 2009. № 1(2). С. 17.

¹⁵ Шевченко В.Н. Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами // Филос. науки. 2013. № 7. С. 5–22.

Указанные точки зрения или абсолютно несовместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что ее позиция единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перезревших в стране проблем. Об этом свидетельствует вся практика их политической борьбы – от политических текстов до лозунгов и баннеров.

Можно сказать, что достижение согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но ее выполнение окажется на деле созданием еще одной, уже самой современной философской системы, тем более, что ее нельзя создать по заказу, даже по срочному, а тем более поручить выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов, или, точнее говоря, она осознается как задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью. Именно по той причине, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая по-своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс соединения марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается соединить либеральные и консервативные (импероподобные) идеи. Философия как духовный центр выступает в обществе как некое объединительное начало, стягивая вокруг себя все идущие в обществе дискуссии, и она способна в принципе если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса как в пределах государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, идеология У.Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизации. Следовательно, применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже должна быть как-то тесно связана с цивилизационной характеристикой российского общества, если, конечно, мы признаем существование российской цивилизации как особой цивилизации.

Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поиском оптимального вектора развития страны через постоянный дискурс с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом смысле можно говорить о необходимости диагностирования и ле-

чения в сфере общественной коммуникации общественной патологии, которую Ю.Хабермас понимал как формы «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики и за ее пределами.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ – это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисс в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на нее могут произвести сильное впечатление, могут поразить ее воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких властителей дум нет или почти нет сегодня как среди философов, так и среди писателей, художественной интеллигенции. На эту особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил внимание Н.С.Плотников¹⁶. Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ и они как быстро надуваются, так и быстро исчезают и уходят в небытие. Другая причина – определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями дум. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспевается и возводится в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться всем политическим силам, рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

Хотя со времен античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы и в те времена сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный повседневный язык. И все же здесь, скорее всего, должна идти речь о доминировании практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»¹⁷. Эта традиция, которая названа традицией «сверхдетерминацией политики философией»¹⁸, активно способствует тому, что превращает в конкретной реальности политическое, политическую сферу жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу, которая сегодня раскрывает в полной мере свою подлинную сущность.

¹⁶ «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллектуал – это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение» (Плотников Н.С. Реконфигурация публичного пространства // Рус. журн. 27.10.2011. http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm).

¹⁷ Алексеева Т.А. Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин // Философия политики и права: Сб. научн. работ. Вып. 2 / Под общ. ред. Е.Н.Мошелкова. М., 2011. С. 123.

¹⁸ Федорова М.М. Цит. соч. С. 20.

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной», как говорят сегодня, на постоянное ведение дискурса между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискурс может и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает участвовать в открытых обсуждениях или тем более идти на какие-то компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. И по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода сложное в своей сути идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной идеологии первичным по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения национального согласия в стране. По выражению В.М.Межуева, необходимо стремиться не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе¹⁹. Добавлю, что нужно знать свою специфику, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет еще и другую сторону, которая связана с преподаванием философии. Что касается преподавания, то здесь всегда есть стремление создать некоторую единую систему философского знания. Иначе как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в том числе и методические вопросы.

Но такое требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получать ответы на волнующие их вопросы. А им предлагают разные философские точки зрения и предлагают выбрать ту, которая им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит основным целям образования.

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Ее назначение также состоит в том, что она обязана учащимся и всем читателям предлагать какие-то определенные решения тех реальных проблем, которые стоят перед ними. Поэтому создание целостной системы философского знания есть помимо всего прочего и особое искусство, оно заключается в том, что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической профессиональной философией, какую философскую основу взять для ее грамотного и правильного создания.

¹⁹ См.: *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб., 2011. С. 385.

Публичная философия и академическая философия – это две стороны одной медали. Академическая философия – предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без ее новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей человечество рано или поздно обречено на вырождение.